

ОБ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА И КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В АРМЕНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Документы настоящего сборника охватывают важнейший исторический период в жизни армянского крестьянства: годы экономического кризиса в начале XX века, бурную эпоху первой русской революции 1905—1907 годов, годы третьеиюньской реакции и столыпинской аграрной политики, годы нового подъема и начало первой мировой войны.

Хотя почти до конца этого короткого, но знаменательного отрезка времени, до конца 1912 года, крестьянские массы Армении вместе со всем помещичьим крестьянством Закавказья продолжали оставаться во временно обязанном и зависимом положении, были окружены тесным кольцом экономических и юридических остатков феодализма, подвергаясь полукрепостнической эксплуатации, тем не менее развитие капитализма в Закавказье, в особенности с 90-х годов XIX века, уже наложило свою печать на экономику деревни: она в значительной мере находилась под влиянием капиталистической системы эксплуатации.

В связи с этим не могли не проявляться некоторые новые черты в борьбе крестьянских масс в соответствии с новой обстановкой.

До крестьянской реформы в Армении, до 1870 года, крестьянское движение было направлено против усиливающейся феодально-крепостнической эксплуатации и тяжелого податного гнета царского правительства, после 1870 года до самого конца 80-х годов—против царской реформы и её многочисленных крепостнических остатков, а в условиях медленного, но достаточно заметного роста капиталистических отноше-

ний в деревне, в особенности в 90-х годах, также против сельской эксплуататорской верхушки.

В начале XX века в общей обстановке экономического кризиса в России, когда назревал политический кризис в стране, вместе с усилением дружной и упорной борьбы рабочего класса, в частности юга России и Закавказья, приходило в движение и крестьянство. А в годы первой русской революции втянулись в борьбу против помещиков и царизма широкие массы крестьянства. В эту революционную эпоху крестьянская борьба в Армении начинала принимать новый характер, вливаться в широкое русло общероссийского крестьянского движения и наряду с экономическим приобретать и политическое значение. На это новое значение крестьянского движения в Закавказье, в том числе и в Армении, в общей революционной борьбе народа против самодержавия, уже тогда обратили внимание представители царской охранки.

Заведывающий полицией на Кавказе, 11 августа 1906 г. сообщая «совершенно секретно» в департамент полиции, что «действующие на Кавказе революционные организации ныне деятельно готовят к задуманному осенью повсеместному вооруженному восстанию», указывает и на важную роль крестьянства в предполагаемом выступлении. «Воздействуя на крестьянское население,—читаем мы в этом сообщении,—революционеры будут агитировать за отказ в платеже казенных повинностей и в поставке новобранцев».¹

Но еще до середины 1905 года в Закавказье кое-где губернские власти не были так озабочены крестьянскими волнениями, а только констатировали наличие в крестьянской среде тех или иных жалоб на конкретные мероприятия местных властей, ухудшавшие экономическое положение крестьян в пользу капиталистических элементов, и на тяжелые государственные подати.

Так, например, карсский военный губернатор 2-го июня 1905 г., в ответ на циркуляр департамента полиции от 1-го марта того же года, сообщал, что «никакого недовольства и брожения среди крестьянского населения области пока не

¹ ЦГИА в Москве, ф. 102, 00, № 7, ч. 15, 1906; л. 1.

замечается». Затем, перечисляя указанные выше конкретные жалобы крестьян, военный губернатор заключает: «Но, несмотря на это, никаких насильственных действий со стороны крестьян против властей до сих пор не проявлялось».¹

Однако вообще закавказская деревня, в частности армянская, не только в 1905 г., но и с начала века не давала оснований царским чиновникам для таких успокоительных построений.

Об этом свидетельствуют сведения, исходящие из царских же источников и относящиеся к тем событиям, которые разгрывались в Армении в 1903 году в связи с захватом армянских церковных имуществ царским правительством по закону 12-го июня 1903 г. Эта мера вызвала всенародное возмущение, выливавшееся иногда в массовые бурные столкновения с царскими захватчиками.

Стихийное массовое движение армянских народных низов города и деревни в ту революционную эпоху не могло не испугать царские власти и вызвать страх перед возможностью объединенного движения народных масс Закавказья против режима насилия и национального угнетения.

В период наивысшего подъема революционной борьбы в 1905—1906 гг. царизм прибегал к провокации, чтобы сеять рознь среди народных масс Закавказья, натравливать их друг на друга и мешать их объединению для общей революционной борьбы против самодержавия.

Но очень важно отметить, что даже в такой напряженной атмосфере, созданной царизмом и сгущенной националистическими партиями, армянские и азербайджанские крестьяне протягивали друг другу дружескую руку для мирного урегулирования последствий спровоцированных царизмом столкновений и привлечения к ответственности виновных.

Приведем, например, такой факт. Крестьяне армянской деревни Юва и азербайджанской деревни Кичик-Веди, Эриванского уезда, 30-го ноября 1905 года на сельском сходе выбирают третейских судей с такими полномочиями: «Названным лицам даем право разрешать наши споры, определять убытки

¹ ЦГИА в Москве, ДП, 00, 2550, ч. 65, 1905, л. 1.

от беспорядков, самоуправства и вообще от преступлений и затем постановлять решения, каковые решения безапелляционно должны приводиться в исполнение местной полицией и сельскими должностными лицами».

«В отношении же наложения наказания на виновных лиц в административном порядке,—говорится в мирском приговоре обществ названных деревень,—выбранные нами лица имеют право высказывать свое мнение по определению виновных, на которых следует наложить наказание в административном порядке, и таковых представить г. ериванскому губернатору».¹

Очевидно, что у крестьян армянского и азербайджанского селений Юва и Кичик-Веди было сознание общности интересов трудящихся, была решимость мирно урегулировать не по их вине возникшие столкновения и желание наказать виновных. Несомненно, таково же было настроение вообще основной массы трудящихся армян и азербайджанцев.

И. В. Сталин в своей известной работе «Аграрный вопрос», опубликованной в марте 1906 г., пишет следующее о характере и цели крестьянского движения.

«Итак: сегодняшнее движение деревни—это демократическое движение крестьян. Цель этого движения—уничтожение остатков крепостничества. Для уничтожения же этих остатков необходима конфискация всей земли помещиков и казны».²

Социал-демократическая революционная пропаганда начинала находить отклик и среди армянских крестьян. В деревнях организовывались в годы русской революции с.-д. группы, энергично призывавшие крестьян к общей борьбе под руководством пролетариата против паризма за землю и свободу и с успехом развернувшие борьбу против пагубного влияния националистических буржуазных и мелко-буржуазных партий среди крестьян.

Об этом у нас есть авторитетное свидетельство Ст. Шаумяна, который летом 1906 года писал: «Политическое сознание проникает в армянские провинции. В Ереване, Александропо-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 7/70, д. № 13, л. 4.

² И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 217.

ле, Карсе, Шуше, Шамахе и т. д. и т. д., иногда даже в самых отдаленных и самых отсталых селениях у нас уже имеются пролетарские—социал-демократические организации, которые мало-помалу группируют вокруг себя жизнеспособные, действительно революционно-пролетарские элементы наших провинций и организуют их для борьбы за социализм вообще и для непосредственной революционной борьбы против русского деспотизма в частности».¹

В общей революционной обстановке 1905 года какой угрозой считал для себя царизм крестьянские волнения в Закавказье можно заключить из того факта, что высшая кавказская власть в лице наместника Воронцова-Дашкова именно в конце этого года представила в центр «либеральный» проект об отмене в Закавказье временно-обязанных и зависимых отношений с отдачей крестьянам их наделов без выкупа и с вознаграждением помещиков за счет государства. Хотя эта мера, конечно, не была осуществлена царским правительством, но появление и цель такого проекта вполне понятны: лживыми обещаниями реформы сверху предупредить развертывание революционной борьбы крестьянских масс за землю и свободу снизу.

Об этом совершенно ясно говорит царский наместник в своем секретном циркуляре от 28 декабря 1907 года на имя губернаторов по поводу деятельности отделения государственного крестьянского банка в Закавказье.

Оказывается, что отделение этого банка открыто по его ходатайству в 1906 году «в момент напряженной революционной пропаганды на аграрной почве», чтобы «путем покупки и перепродажи крестьянам частновладельческих земель», стать «действительным орудием как для прочного устройства земельного быта крестьян, так и против пропаганды захватов чужой земельной собственности».²

Итак, Воронцов-Дашков собирался с помощью отделения крестьянского банка приучить крестьян к мысли о единственном возможном способе приобретения помещичьей земли через по-

¹ Ст. Шаумян, Избранные произведения, 1902—1918. Армянский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина. Армгиз, Ереван, 1948, стр. 131.

² ЦГА Арм. ССР, ф. 7с/70, д. № 34, л. 1.

купку и заставить их отказаться от революционного пути разрешения аграрного вопроса.

Через года два, в 1909 году, когда столыпинская аграрная политика усиленно проводилась в России, когда царизм после крестьянской реформы 1861 года делал второй шаг в направлении укрепления прусского или помещичьего пути развития капитализма в сельском хозяйстве страны, используя для этой цели деревенского кулака, поощряя укрепление частной собственности на землю в деревне,—именно в это время закавказские власти подготовили новый проект для завершения крестьянской реформы в этой национальной окраине царской России для ликвидации временно-обязанных и зависимых отношений помещичьих крестьян.

В основу проекта был положен принцип обязательного выкупа своих наделов крестьянами при содействии правительства, т. е. спустя 40—50 лет закавказским крестьянам диктовались те же условия, что были навязаны крестьянам России в 1861 и 1881 гг. Проект был превращен в закон 20 декабря 1912 года. И в Закавказье царизмом создавались условия для развития капитализма в сельском хозяйстве по прусскому типу. Принимались меры к пресечению возможности революционного разрешения аграрного вопроса снизу, возможности развития капитализма в сельском хозяйстве по американскому пути.

О сущности этих двух путей развития Ленин писал:

«В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые—такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые—интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при

втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы».¹

Такова была в общих чертах обстановка в Закавказье, в особенности в Армении, накануне первой русской революции, в годы революции, во время третьеиюньского режима и вплоть до первой мировой войны: В этих условиях протекала крестьянская борьба в Армении.

В этой общей обстановке попробуем внимательно рассмотреть конкретные мероприятия аграрной политики царизма в Армении. В них ясно выявляются характерные черты колониального и национального угнетения окраин и их народов.

Со времени проведения крестьянской реформы в Армении и в Азербайджане, с начала 70-х годов XIX века, были сделаны первые попытки создания крупных капиталистических сельскохозяйственных предприятий в бывшей Эриванской губернии путем сдачи в долгосрочную аренду огромных территорий на исключительно привилегированных условиях русским дворянам и крупным чиновникам.

При этом обратим внимание и на то обстоятельство, что эта политика проводилась царизмом не только в ущерб насущным интересам окружающих малоземельных крестьян, фактически попадающих под власть этих крупных арендаторов государственных земель, но и с игнорированием интересов местных капиталистических групп, которые тщетно добивались аренды тех же земель или других оброчных статей по несравненно более высокой плате.

В этом отношении интересна история двух крупных оброчных статей, одна из которых, находящаяся в Шаруро-Даралагязском уезде Эриванской губ., на территории Нахичеванской АССР, в 1872 году была сдана в аренду на 30 лет уездному начальнику Шан-Гирею, человеку, происходящему из старорусской помещичьей среды, как о нем выражается старший надзиратель управления государственных имуществ Эриван-

¹ В. И. Ленин, Соч., том 13, стр. 216—217.

ской губернии, а другая, находящаяся в Эриванском уезде той же губернии, в 1870 году была сдана в аренду генералу Каханову, потом перешла к графу Шереметьеву, далее к его наследникам, организовавшим акционерное общество по эксплуатации имения.

В 1901 году Шан-Гирей-сын возбуждает ходатайство о возобновлении аренды; появляются и новые претенденты: эриванский житель дворянин Мелик-Агамалов в компании с жителем селения Чомахтур, Шаруро-Даралагызского уезда, Мамедом Шах Гусейн-бек оглы и общество селения Ханухлар того же уезда, потом и другие.

По заданию управления государственных имуществ Эриванской губернии старший надзиратель изучает вопрос и представляет свое заключение.

«Мне было известно,—пишет он,—что казна отдала в долгосрочную аренду «Кир» (так называется оброчная статья, сданная в аренду Шан-Гирею—В. Р.) мало того, что почти задаром, но еще и с субсидиею в 15000 рублей».

Он был уверен, что это сделано казной с целью «борьбы с косностью и невежеством местного населения», с целью «насаждения среди него культурных и просветительных начал...» Поэтому он предполагал увидеть там «...крупное и интенсивное сельское хозяйство, могущее служить образцом и примером для всей округи, которая в отношении сельского хозяйства и промышленности пока еще находится в периоде зачатия».

Но то, что увидел там старший надзиратель из управления государственных имуществ Эриванской губернии, привело его в ужас и он пришел к такому заключению: «Казна ошиблась в своих расчетах, так как не только не получились желаемые ею результаты, но, напротив, получились результаты отрицательные, о которых она не могла и помышлять, ибо всё это свелось к эксплуатации и к порабощению её же казенных крестьян в такой форме, в которой не были тягловые крестьяне и во времена, ныне слава богу отошедшие в область предания, времена крепостнического права на святой Руси».¹

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2311, лл. 1—2.

Оказывается, что Шан-Гирей в течение 30 лет, давая в год по 292 руб. 50 к. арендной платы, имел в своем распоряжении 1659 дес. поливной земли и 291 дес. выгона, всего 1950 дес.

«Вся эта поливная земля отдана им (Шан-Гиреем-сыном — В. Р.) без остатка в пользование крестьян окрестных селений»¹ — сообщает старший надзиратель. Крестьянами «весь «Кир» засеивается преимущественно пшеницею» и «Шан-Гирей получает с крестьян половину валового их дохода, т. е. половину из всего урожая».

«Кроме того, — указывает надзиратель, — они отбывают еще и натуральную повинность, а именно: каждый домохозяин... обязывается в то же время безвозмездно работать 7 дней при очистке главной канавы».²

Надзиратель, говоря его словами, по долгу своей службы, совести и чести приходит к тому выводу, что необходимо отказать Шан-Гирею в его просьбе о сдаче ему еще на 30 лет оброчной статьи «Кир» в аренду по 50 к. за десятину в год, т. е. по 750 р. за 1950 дес., хотя в прошении Шан-Гирея много говорится о его фиктивных заслугах «пред казною как первого русского помещика в Эриванской губернии и как представителя русской культуры в здешнем крае» и «пред той же казною как арендатора её оброчной статьи».³

Старший надзиратель управления государственных имуществ Эриванской губернии придерживается того мнения, что нужно отказать также дворянину Мелик-Агамалову и его компаньону в их просьбе, хотя по имеющимся сведениям они намерены довести арендную плату в год до 15000 руб. По мнению надзирателя, крестьянам селения Ханухлар также не следует сдавать в аренду оброчную статью «Кир», хотя они предлагают плату в «20 раз более того, сколько платит теперь г. Шан-Гирей».⁴

Для обоснования всего этого он приводит такое соображение: «С «Киром» необходимо распорядиться так, чтобы при этом были соблюдены фискальные интересы казны и в то же

¹ Тазакенд, Ханухлар, Аджейбан, Кяримбеклу, Пуссиан.

² ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2311, лл. 14—15.

³ Там же, л. 5.

⁴ Там же, лл. 2—4.

время интересы местного сельского населения, состоящего из её же казенных крестьян».

А это, по его мнению, возможно в том случае, если казна поливные земли оброчной статьи «Кир» (т. е. 1659 дес.) сдаст в аренду крестьянам окрестных селений, для которых он «является единственной поддержкой к существованию», назначив плату за каждую десятину не свыше 12 руб.

Тогда казна, «с одной стороны, в буквальном смысле благодетельствует крестьян нескольких сельских обществ, исторгнув их из рук частных эксплуататоров, а с другой стороны и сама бы получила ежегодно 19908 руб.»¹

Но соображения чиновника не соответствовали общему курсу колониальной политики царизма. Управляющий государственными имуществами Эриванской губернии в своем докладе уполномоченному министра земледелия и государственных имуществ на Кавказе указывает, что старший надзиратель, «увлекаясь благородным стремлением благодетельствовать крестьян», забывает главное: бесспорную заслугу Шан-Гирея. И он находит, «что наиболее благонадежным арендатором этого имения... является Шан-Гирей, который заслуживает, как русский помещик-дворянин..., не только простого предпочтения пред всеми другими конкурентами, но и всевозможных льгот и поощрений за всё уже то, что сделано лично им и его покойным отцом».²

Управляющий выдвигает и другой вопрос: Шан-Гирей постепенно поселили в имении крестьян из окрестных селений и других мест, образовав для них пять поселков. «Очищение (оброчной—В. Р.) статьи от этих поселков из разных выходов весьма желательно»—указывает он. Но так как «никакое обширное хозяйство невозможно без постоянных рабочих, живущих на месте», поэтому «весьма было бы желательно образовать на участке «Кир» русские поселения..., с постепенным выдворением армян, курдов и прочих мусульман из их временных поселков».³ Для русских переселенцев предлагается выделить участок в 500 десятин.

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 2311, лл. 16—17.

² Там же, л. 31—32.

³ Там же, лл. 27—28.

Эти и другие соображения управляющего государственными имуществами Эриванской губернии находят поддержку со стороны уполномоченного министра земледелия и государственных имуществ на Кавказе, и оброчная статья «Кир» была отдана Шан-Гирею «в арендное содержание сроком на 24 года, считая с 16 сентября 1903 года по 16 октября 1927 года». Как указывается в контракте, «арендная плата за пользование участком назначается: в течение первых шести лет 1200 руб. в год, а в остальное время—по 5000 руб. в год».¹

Итак «русский помещик-дворянин» Шан-Гирей наперекор всем своим конкурентам из местных элементов снова на самых льготных условиях получил в свое распоряжение оброчную статью «Кир». Поселенные им в имении местные крестьяне должны были выселяться из своих поселков и со всеми остальными малоземельными крестьянами окрестных селений продолжать на кабальных условиях засевать земли привилегированного арендатора, который по договору обязывался отводить русским переселенцам участок в 500 десятин. Вот как царизм вёл политику внедрения на окраине империи русского дворянского помещичьего землевладения и расширения русского переселенческого элемента.

Совсем недалеко от имения Шан-Гирея, в соседнем Эриванском уезде той же Эриванской губернии, царскими властями в начале 1870 года были созданы для ген. Каханова особо льготные условия по аренде Араздаянской степи и организации большого имения «Араздаян» в 10000 десятин. Какие условия были созданы для него и для его преемника ген.-адъют. Шереметьева и его наследников видно хотя бы из того факта, что: «В доказательство прав своих на получение «Кира» в новую аренду на льготных условиях,—как указывает многократно упоминавшийся нами старший надзиратель из управления государственных имуществ Эриванской губернии,—г. Шан-Гирей приводит еще то обстоятельство, что генерал Каханов и ген.-адъютант Шереметьев получили от той же казны в арен-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 2311, л. 43.

ду Араздаянскую степь в 10000 десятин на льготных условиях...»¹

В интересующий здесь нас период, в начале XX века, имение «Араздаян» находилось во владении товарищества, организованного наследниками ген.-адъютанта Шереметьева. С благословения высших властей Закавказья товарищество это также усиленно было занято «культурным делом», разорением хозяйства полукрепостническими формами эксплуатации 400 крестьянских семейств, поселенных в качестве арендаторов в 18 отселках в имении в течение десятков лет.

По поводу жалоб крестьян наместнику на Кавказе на свое безвыходное положение эриванский губернатор, конечно, берет под свою защиту товарищество Шереметьевых, объявляя голословным указание крестьян на то, что их экономическое положение с каждым годом ухудшается; о притеснениях, чинимых поселянам со стороны управления имением, губернатор довольствуется указанием на то, что заявление об этом «к местным властям не поступило».

Всё же даже эриванский губернатор принужден признать, что «В настоящее время (т. е. в марте 1909 г.—В. Р.) положение арендаторов действительно критическое, так как прошлым летом главный оросительный канал Араздаянского имения был занесен сильным селавом и если канава не будет расчищена, то поселяне окажутся лишенными возможности производить обычные посевы».²

Однако эриванский губернатор после всего этого свои рассуждения заканчивает следующим выводом: «В заключение не могу не указать на то, что араздаянские поселяне едва ли имеют право на особую заботливость об них правительства», так как одни из них «могут вернуться на родные места», к которым приписаны, а другие, «как не приписавшиеся к сельским обществам», не имеют «права на отвод отдельных земельных участков».³

Крестьяне, которым эриванский губернатор отказывает в

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2311, л. 12.

² Там же, д. № 2667, л. 9.

³ Там же.

праве «на особую заботливость» со стороны правительства, оказывается, как пишет в своем докладе в марте же 1909 года надзиратель из управления государственных имуществ Эриванской губернии, живут в отсёлках Араздаянского имения 30—35 лет.

«По показанию жителей,—продолжает надзиратель,—во время их прибытия в это имение всё оно представляло собою сплошной солончак и только благодаря их труду и затраченным средствам имение превращено теперь в доходное и пригодное для культуры хлопка, чалтыка и пшеницы».¹

О деятельности же товарищества Шереметьевых в имении узнаем из его доклада, что, во-первых, разрушение оросительного канала «произошло вследствие отсутствия в имении настоящего хозяина и нерадения администрации имения», к которой ещё осенью 1907 г. обратились крестьяне «с просьбой принять меры к ремонту моста, дамб канала...» и т. д., но безрезультатно, и благодаря этому «в прошлом году летом канал был совершенно сухим, всё население имения «Араздаян» осталось без воды и потерпело громадные убытки», во-вторых, ставя в такое положение крестьян, живущих в имении, не заботясь о ремонте канала, не считаясь в таких условиях с незначительным урожаем, администрация взамен своей доли (1/3 урожая) отбирала не только весь урожай, но требовала и плату за семена, даже взыскивала недоимки. «Если жители не в состоянии были уплатить деньгами, то полевая стража имения совместно со стражниками полицейской стражи отбирала в домах паласы, ковры, котлы, пшеницу, муку и прочее домашнее имущество..., а недостающую сумму пополняла скотом»²—рассказывает надзиратель; в-третьих, отпущенные казной 300000 руб. на улучшение имения и на капитальный ремонт разрушенного канала администрацией товарищества не использовано по назначению; «на канал было затрачено очень мало, это известно всему населению окрестных селений»—указывает надзиратель, а на все другие «сооружения истрачено не более одной трети отпущенной суммы»—предполагает он.³

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2667, лл. 10—12.

² Там же.

³ Там же.

«Имение идет к упадку, население терпит нужду и озлоблено на администрацию»—подытоживает свои наблюдения надзиратель. «При таком ведении хозяйства... имение окончательно погибнет и население его, прожившее десятки лет, превратившее сплошное болото в культурные участки,... принуждено будет уйти из имения, бросив и дома и сады, увеличив число нищих и голодных»¹—заканчивает он свой доклад.

Вот так выглядят другие «пионеры культурного дела в Закавказье»—владельцы Араздаевского имения из дворяно-помещичьей среды и их покровители из высшей местной власти.

В 1913 году Араздаевское имение переходит в руки «Араздаево-Шереметьевского сельскохозяйственного и торгово-промышленного акционерного общества», правление которого крестьянам предлагает новые условия аренды, непринятие которых повлечет за собой их выселение из имения. На этой почве в конце года происходит столкновение крестьян с управлением имения, вмешиваются губернские власти, крестьяне обращаются с жалобой к наместнику на Кавказе на акционерное общество по поводу его новых условий аренды. Эриванский же губернатор берет под свою защиту мероприятия общества, находя его «условия много выгоднее для крестьян, чем существовавшие при Шереметьевых», так как «при Шереметьевых поселяне сдавали администрации имения одну треть урожая, производя распашку своими средствами и обсеменение полей своими же семенами», а теперь «Акционерное общество предложило поселянам сдавать администрации имения половину урожая, но при этом оно обязывается производить распашку земли усовершенствованными орудиями и снабжать арендаторов бесплатно семенами».²

Эриванский губернатор, ссылаясь на местный обычай, по которому владельцы без распашки и без семян с арендаторов получают половину урожая, считает условия акционерного общества для крестьян даже «сравнительно льготными, а потому я нахожу жалобу крестьян,—пишет он,—не заслуживающим внимания и полагал бы... оставить без последствий, и

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2667, лл. 10—12.

² Там же, ф. 49/113, д. № 305, лл. 6—8.

всякие споры по настоящему делу, казалось бы, подлежат разрешению судебных установлений».¹

Но когда в 1914 г. весной действительно возник спор между сторонами, и общество препятствовало крестьянам засеивать свои поля, губернские власти разрешение спора не предоставили «судебным установлениям», а пустили в дело полицию, конечно, в пользу акционерного общества против крестьян.

На это поверенные крестьян 13-го марта 1914 г. обращают внимание наместника на Кавказе, прося «сделать распоряжение, чтобы полиция не препятствовала бы нам и нашим доверителям пользоваться сорокалетним правом нашим пользования землею и водою имения «Араздаян» и предложить акционерному обществу подчиниться, как и мы, распоряжению вашего сиятельства, или же обратиться к защите судебной власти».²

Но наместник занимает так сказать «нейтральную» позицию и в ответ на просьбу крестьян «о разрешении распахать поля» приказывает «объявить просителям, что ввиду договорного характера отношений их к имению он лишен возможности удовлетворить их просьбу,... что им следует войти в соглашение с владельцами имения».³

Иначе говоря, с молчаливого согласия наместника, акционерное общество с помощью полиции получило возможность диктовать крестьянам свои новые тяжелые условия, а что касается строптивых, то в административном порядке имело право выселить их из имения, как это было предусмотрено в первом пункте договора.

Все это творилось в угоду русским дворянам-помещикам и их акционерным обществам как раз в те годы, когда во всем Закавказье царизмом осуществлялся обязательный выкуп крестьянами своих наделов, отменялось временно обязанное и зависимое положение крестьян от помещиков.

Именно после закона 20 декабря 1912 года Араздаяно-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 49/113, д. № 305, лл. 13—16.

² Там же, ф. 49/119, д. 305, л. 20.

³ Там же, л. 39.

Шереметьевское сельскохозяйственное и торгово-промышленное акционерное общество бесцеремонно диктовало крестьянам указанные выше полукрепостнические условия аренды, не только не вызывавшие возражения со стороны властей, но даже считавшиеся чуть ли не облагодетельствованием крестьян, улучшением их экономического положения.

Вот некоторые из этих кабальных условий.

За предоставленный ему участок крестьянин должен платить «ежегодную аренду в размере одной половины урожая с поливных земель и одной четверти с неполивных всего, что будет произрастать на этих землях, исключая сена скашиваемого, с которого дается половина, причем все продукты арендаторы должны подвезти к месту, указанному управляющим в пределах имения».

При этом крестьянин «обязывается сеять, главным образом, хлопок не менее одной десятины в год». Далее: «Весь урожай хлопка сдается обществу», а крестьянин за свою половину получает деньги «по средней рыночной цене в районе между Камарлу и Нахичеванью».

Выделение обществу половины урожая пшеницы, ячменя, чалтыка и др. «производится по умолоту средних снопов». Требуя с крестьян со всех этих продуктов половину урожая взамен существовавшей одной трети, общество брало на себя за все это только распахивание участков крестьян под посевы и выдачу им бесплатно посевных семян.

Обществом была введена особая ежемесячная плата для пастбы скота: по 10 к. за голову мелкого и 50 к. за голову крупного скота, одновременно было указано, что за ним «остается право ограничения пастбы животных в пределах имения до 6 голов крупного скота и 20 голов мелкого скота на один двор» и т. д.

Таким образом, Араздаино-Шереметьевское общество, к которому перешло 60-летнее арендное право на большое имение в 10000 десятин, как было упомянуто выше, на таких льготных условиях, что служило примером даже для Шан-Гирея, бесцеремонно и с полного одобрения губернских и закавказских властей ставило в кабальные условия не только так сказать старожилов-крестьян имения, но и вообще окрест-

ных малоземельных или безземельных крестьян, диктовало им полукрепостническую форму аренды, издольщину, одну из разновидностей отработочной ренты.

Так попадало крестьянское хозяйство в зависимость и крестьяне отдавались на службу созданному и щедро кредитруемому царизмом помещицкому хозяйству прусского типа в условиях колонии, где усиление «русского элемента» считалось первоочередной задачей правительственной политики.

По материалам нашего сборника можно судить об одной характерной черте национальной политики царизма. Как средство выйти из униженного положения туземца и в надежде улучшить свои поземельные условия, среди некоторой части армянских крестьян находила отклик проповедь православия. Местами кое-какие семьи в отдельных селениях присоединялись к русской церкви, что вызывало притеснения со стороны односельцев, и обыкновенно армяне-православные возбуждали ходатайство о переселении их в деревни, принявшие православие.

Настоящий смысл таких ходатайств и степень верности армянских крестьян православию были хорошо известны представителям местной власти. По поводу одного такого случая эриванский губернатор справедливо пускается в такие рассуждения:

«Главной и истинной побудительной причиной к подобного рода ходатайству со стороны православных армян является стремление достигнуть лучшего земельного обеспечения, по достижении коего принявшие православие армяне отпадают от православия и обращаются в лоно армяно-грегорианской церкви».¹

Нельзя не согласиться с губернатором в этом, но такое положение в армянской деревне было создано колониальной и великодержавной национальной политикой царизма, политикой экономического и национального угнетения, использующей для целей руссификации и усиленную пропаганду православия среди малых народов империи.

При такой политике царизма, конечно, не могло быть

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2653, л. 9.

заботы о жизненных нуждах крестьянских масс, о помощи им, чтобы дать трудовому крестьянству действительную возможность вырваться из оков полукрепостнической эксплуатации, о поддержке их инициативы в деле разрешения неотложных задач крестьянского хозяйства, связанных, например, с орошением, которое в условиях Армении имело существенное значение для ведения сельского хозяйства, для его дальнейшего развития и расширения посевных площадей. Все попытки крестьянских обществ и местных групп предпринимателей добиться помощи и согласия губернской власти или закавказских кредитных учреждений в осуществлении указанных задач неизменно кончались неудачей.

Ясно и последовательно проводились две линии: политика поощрения и льгот для усиления русского помещичьего землевладения и сельскохозяйственного предпринимательства и политика ограничения и угнетения, направленная против развертывания хозяйственных усилий разных групп местного населения.

Укажем на некоторые примеры, в которых выявляется эта последняя линия царской политики, так как о первой у нас уже речь была выше.

Известно, что после крестьянской реформы в Армении (и в Азербайджане) выкуп своих наделов крестьянами не был осуществлен; по Положению 1870 года при выкупе государственного содействия не предполагалось, а крестьянам самостоятельно не под силу была эта сделка. Единичные попытки зависимых крестьян Армении, даже после революции 1905—1907 годов, получить ссуду из закавказского отделения крестьянского поземельного банка не имели успеха, и чиновники из этого по названию лишь крестьянского кредитного учреждения каждый раз находили «законное» основание для отказа крестьянам в ссуде для целей выкупа своих наделов, а их мнение находило поддержку со стороны самого министра финансов.

Управляющий закавказским отделением крестьянского поземельного банка в своем письме на имя эриванского губернатора от 13 сентября 1912 года сообщает, что в вопросе «о выдаче ссуды обществу крестьян селения Ариндж, Эриванского уезда, на покупку 536 дес. 312 саж. земли у землевладель-

цев А. Г. и Е. Мелик-Агамаловых и В. Семенова», министр финансов «согласился с мнением той части совета крестьянского поземельного банка, которая признала недопустимость выдачи из крестьянского поземельного банка ссуд на выкуп отведенных в надел муккадарских земель...»¹

Откровеннее обо всем этом выражался мировой посредник, который в своем рапорте от 26 января 1911 года писал эриванскому губернатору:

«Если и в этот раз банк ходатайство аринджцев не уважит, или разрешит им просимую ссуду неполностью, подобно тому, как в прошлом году башгарнинцам (крестьянам муккадарского селения Баш-Гарни, Эриванского же уезда—В. Р.), то можно с уверенностью сказать, что крестьянский поземельный банк не сочувствует подобным сделкам в Эриванской губернии...»²

Оказалось, что не только «крестьянский» банк, но и министр финансов не сочувствовали «подобным сделкам», т. е. ликвидации крепостнических остатков в армянской деревне в начале второго десятилетия XX века.

Власти Эриванской губернии не проявляли никакого «сочувствия» и к попыткам крестьянских обществ, направленным к разрешению насущных задач поднятия своего хозяйства, например, орошения своих земель и, как правило, отказывали им в просимой ссуде.

По прошению крестьян селения Кёрпалу, Эчмиадзинского уезда, съезд инженеров-гидравликов в 1911 г. утвердил проект о выводе воды из озера Айгер-гёл для орошения наделных земель этого общества.

Инженер-гидравликом данного округа было обращено внимание эриванского по поселянским делам присутствия на то, что «селение Кёрпалу, как и другие селения, расположенные в низовьях Абаранского водного округа, сильно нуждается в оросительной воде». В своем рапорте тому же присутствию мировой посредник Эчмиадзинского уезда указывал, что недостаток воды лишает крестьян возможность «заниматься

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 28с/91, д. № 162, л. 14.

² Там же, л. 1.

культурой более ценных растений», например, хлопка, винограда и «использовать пустоши» и т. д.

Эриванский же губернатор в своем отношении наместнику на Кавказе от 1912 года, хотя и соглашается со всем вышеприведенным, со своей стороны указывая, что всё это «подымет благосостояние населения», но, в конце концов, против проведения в жизнь «проекта орошения земель» селения Кёрпалу выдвигает такое соображение, что им предreshается отказ в предоставлении ссуды крестьянам. Губернатор отмечает, что «расходы по осуществлению проекта орошения земель являются непосильными для населения Кёрпалу и выданная им ссуда является безнадежной к получению».¹

Таково было отношение не только к ходатайству крестьянских масс, желающих вырваться из пут полукрепостнической эксплуатации или из тяжелых условий малоземелья и безводья, но и к другим лицам туземного происхождения, проявившим предпринимательскую инициативу в организации капиталистического сельскохозяйственного производства путем устройства орошения и обработки «вполне годных для ценных культур» безводных степей Эриванской губернии. И с ними не церемонились эриванские губернские власти, не считали нужным об их предложениях довести даже до сведения высшей кавказской власти, а просто сами же отказывали им с такими возражениями, которые вовсе не фигурировали, когда дело касалось кахановых, шереметьевых или шан-гиреев. Не вспоминали и о культурной роли большого сельскохозяйственного производства, о расширении площади ценных культур за счет голых пустынных пространств и т. п.

Так поступило, например, управление земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии с карским гражданином С. М. Мубаяджяном, который в 1911 году возбудил ходатайство о сдаче ему в долгосрочную аренду Сардарабадской степи, находящейся между станциями Сардарабад и Карабурун Эривань-Александропольской железной дороги.

Ему было отказано в его просьбе, как пишет начальник указанного управления, «во-первых, потому, что нельзя высе-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 28с/91, д. № 243, лл. 2, 4 и 6.

лить кочующих на этой степи курдов и, во-вторых, что предлагаемые Мубаяджяном условия для казны не выгодны».¹

Как нам уже известно, подобные обстоятельства совсем не смущали представителей губернской и закавказской властей и не представлялись помехой для сдачи в аренду громадных пространств государственных оброчных статей представителям русского помещичье-дворянского класса, которым вдобавок отпускались и крупные ссуды царским правительством. Таким образом, во всех мероприятиях губернской и закавказской властей в области сельского хозяйства ясно выступала линия национального и колониального угнетения.

*
*
*

Политика национального и колониального угнетения ярко выступает и в проектах, составленных представителями местной власти для развития сельского хозяйства, в частности для развития крестьянского хозяйства в бывшей Эриванской губернии. Конечно, в этих проектах ни слова не говорится о ликвидации всевозможных остатков феодально-крепостнических отношений в деревне, об их задерживающем влиянии на развитие крестьянского хозяйства. Царским чиновникам в условиях тяжелого экономического кризиса начала XX века бросается в глаза только страшная техническая отсталость и примитивность крестьянского хозяйства, и они собираются вывести его из этого положения, приобщив его к современной агрономической технике буржуазного земледелия стран Запада и Америка, не трогая существующего социально-экономического режима царизма в колонии.

Так, например, начальник управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии в рапорте министру земледелия и государственных имуществ по интересующему нас вопросу пускается в такие рассуждения в начале 1903 года:

«Бывший Эриванский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности для поднятия вообще сельского хозяйства, а в частности земледелия, виноградарства и садовод-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. 2807, лл. 3 и 6.

ства, прежде всего, высказался за широкое распространение образования, самостоятельности и духа предприимчивости населения». Против этого мнения,—продолжает он,—«конечно невозможно возражать, но необходимо заметить, что всё это может принести плоды в будущем, в настоящее же время является настойчивая необходимость в таком правительственном содействии сельскому хозяйству, которое бы дало немедленно возможность улучшить таковое».¹

Оказывается, что по мнению начальника управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии, первым таким правительственным мероприятием должен являться «склад земледельческих машин и орудий, устроенный за счет Министерства земледелия и государственных имуществ при Эриванском управлении земледелия».²

Итак, резюмирует эриванский чиновник: «С открытием казенного склада значительно понизятся цены на все машины и орудия»; увеличится спрос на них и произойдет «общий подъем земледельческой техники», немедленно поднимется «плодородие и производительность почвы» и т. д. и т. п.³ И всё это без всяких перемен в аграрных и социальных отношениях деревни, без ликвидации зависимого положения крестьян, по инициативе местной власти и на средства казны, которая должна выступить в роли благодетеля крестьянства.

Нетрудно понять, что весь проект эриванского чиновника из ведомства земледелия и государственных имуществ при осуществлении мог бы иметь кое-какое значение только для деревенской буржуазии, для кулаков, конечно и для помещиков, облегчая, частично и удешевляя для них приобретение сельскохозяйственных машин и орудий, следовательно, в той или иной мере способствуя техническому усовершенствованию и поднятию их хозяйства.

А для крестьянской массы, в конечном счете, его осуществление могло вызвать только усиление новой капиталистической

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2464, «Об устройстве казенного склада с.-х. машин для отпуска по дешевым ценам сельскому населению», на 233 л., лл. 23—30.

² Там же.

³ Там же.

формы эксплуатации наряду с существующим полукрепостническим помещичьим и колониальным гнётом царизма.

Ясно, что по сути дела капиталистические вождедения царского чиновника по поднятию технического уровня крестьянского хозяйства ничего общего не имеют с интересами крестьянских масс; он собирается в царской колонии создать для развития сельского хозяйства те же условия, которые в той или иной мере созданы в метрополии царизмом крестьянской реформой 1861 года, т. е. прусского или помещичьего пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Через несколько лет, в начале 1910 года, когда царское правительство решительно проводило столыпинскую аграрную политику, т. е. политику укрепления прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, опираясь на кулацкие элементы деревни, наперекор крестьянской массе и её борьбе за американский или крестьянский путь развития, а в Закавказье подготавливало ликвидацию обязанных и зависимых отношений помещичьих и владельческих крестьян с выкупом, т. е. в духе реформы 1861 года,—другой начальник управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии счел необходимым в своем докладе эриванскому губернатору снова заняться вопросом крестьянского хозяйства, которое, по его выражению, «страдает многими недугами и его можно по справедливости уподобить больному организму».¹

Он напоминает эриванскому губернатору, как под его председательством эриванский губернский продовольственный комитет, «становясь в положение врача», старался выяснить «причины хронических неурожаев последнего десятилетия», установить «возможно верный диагноз тому состоянию, в котором находится крестьянское хозяйство губернии», положение которого особенно тяжело было в 1906 и 1908 гг., «когда населению Эриванской губернии было выдано продовольственной и семенной ссуды более миллиона рублей».²

Обращая на всё это внимание губернатора, начальник

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2641 «О производстве опытов разведения кормовых трав в Эриванской губернии и Карсской области», на 450 листах, лл. 245—250.

² Там же.

управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии сам тоже становится «в положение врача», указывает причины кризиса крестьянского хозяйства и намечает пути выхода из создавшегося положения.

Свои рассуждения эриванский чиновник начинает с того, что рисует идиллические условия жизни крестьянской массы до того времени, когда «край наш начинает постепенно приходить в более тесное соприкосновение с современной цивилизацией с ее железными дорогами, телеграфом, электричеством и денежным обращением товаров».¹

«Было время, и не так давно, когда народу жилось и здесь и в России гораздо привольнее и лучше. Было просторнее в пахотных землях, лугах, пастбищах». Далее... «Общественная жизнь и обязанности в отношении государства выражались проще и менее тягостно в смысле налогового обложения и взимания разных повинностей и платежей» и т. д. и т. п. в том же духе.

«Но,—продолжает чиновник,—золотое время прошло, как сладкий сон. Наступили пятидесятые годы XIX столетия», т. е. началась эпоха «современной цивилизации» как для России, так и для Закавказья.

Итак, эриванский чиновник из управления земледелия и государственных имуществ рисует дореформенную жизнь крестьянства как жизнь «менее тягостную в смысле налогового обложения и взимания разных повинностей и платежей»; он, конечно, ни словом не обмолвился об усиливавшемся крепостническом гнете в России в первой половине XIX века, о крепостническом, национальном и колониальном гнете на окраинах империи, в том числе и в Закавказье. Крепостнические времена и в экономическом, и в социальном, и в политическом отношениях выставляются царством народного благополучия.

Почти все экономические бедствия в крестьянской жизни связываются с пореформенным строем: «Таким образом, нужно признать бесспорным, что приобщение края к современному строю и цивилизации на первых порах только обострило и еще

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2641, лл. 245—250.

более углубило материальную нужду крестьянского хозяйства».¹

Вот то заключение, к которому вместе с членами губернского продовольственного комитета пришел начальник управления земледелия Эриванской губернии относительно причин тяжелого положения крестьянского хозяйства «в нагорной полосе, занимающей по крайней мере 3/4 всей площади Эриванской губернии».²

Как видно из этого заключения, царский чиновник столыпинской эпохи в согласии с общим курсом правительственной политики делает важную оговорку. Оказывается, что капиталистические отношения только «на первых порах» имеют явно отрицательное влияние на крестьянское хозяйство; в дальнейшем можно перебороть трудности и даже на основе этих отношений вывести крестьянское хозяйство из кризиса, как это будто бы сделано на Западе.

Отсюда и тот выход, на который указывает эриванский чиновник: нужно создать для крестьянского хозяйства и Эриванской губернии все условия, необходимые для капиталистического земледелия. «Настали новые времена,—пишет он, — времена пара и электричества, и нужно в обиход крестьянского хозяйства ввести новые растения, новые способы, новые приемы и новые орудия труда. С плугом в 12 пар быков, лошадей и буйволов крестьянство не угоняется за бегущей вперед цивилизацией, а захиреет и погибнет неминуемо».³

По мнению начальника управления земледелия, чтобы это не случилось, чтобы можно было спасти крестьянское хозяйство, ставя его на путь процветания, капиталистического развития, нужно открыть в Эриванской губернии государственный склад земледельческих орудий и машин и по сравнительно дешевой цене снабжать крестьян ими.

Далее указывается, что «Вопрос этот был возбужден еще бывшим начальником Управления», было решено предоставить в распоряжение Эриванского управления требуемую сумму: 7000 р., но «на этом дело остановилось».

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2641, лл. 245—250.

² Там же.

³ Там же.

Снова возбуждая вопрос об открытии склада, он предлагает увеличить ассигнуемую сумму до 17000 рублей, не забывая одновременно отметить прибыльность этого предприятия для государства на примере ташкентского склада, получившего за 1900—1907 гг. 12721 руб. чистой прибыли.¹

Начальник управления только «забывает» указать на главное: вывел ли ташкентский склад крестьянское хозяйство из того, как сам выражается, «исторического тупика, в который оно уперлось»? Но он уверяет, что эриванский склад земледельческих орудий и машин, «наряду с открытием ткацких и иных мастерских, молочных ферм, сельскохозяйственных школ, распространением травосеяния и плугопольных растений, плодовыми питомниками и проч., значительно оживит и поднимет благосостояние населения Эриванской губернии. Скажу более,—заканчивает он свои рассуждения, — чтобы вывести крестьянское хозяйство губернии из этого исторического тупика, в который оно уперлось, других средств даже и нет».²

Итак, в 1910 году, когда царизмом подготавливался в Закавказье выкуп, собирались «ликвидировать» временно обремененное и зависимое положение грузинских, азербайджанских и армянских крестьян, царские местные чиновники из эриванского управления государственных имуществ искали пути развития сельского хозяйства в капиталистическом направлении без разрешения поземельного вопроса в пользу крестьянских масс, оставляя в неприкосновенности крепостнические остатки крестьянской реформы 1870 года. В таких условиях развитие капитализма в сельском хозяйстве могло идти только по прусскому пути; кулацкое буржуазное хозяйство с вступающим на путь капиталистического развития помещичьим хозяйством преграждало бы путь крестьянскому хозяйству для развития по американскому пути.

Таким образом, чиновники царизма и для далеких окраин империи собирались создать условия капиталистического развития в духе столыпинской аграрной политики и, конечно, с теми же социально-политическими целями.

Начальник управления земледелия и государственных

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2641, лл. 245—250.

² Там же.

имуществ в том же духе собирается урегулировать пастбищное хозяйство в Эриванской губернии. Он критически перечисляет разные системы «эксплуатации пастбищ», к которым прибегало царское правительство в течение XIX века, чтобы обеспечить доходы с пастбищ, отстоять интересы развития скотоводства и исключить «возможность злоупотребления пастбищами в ущерб населению».¹

До 50-х годов «доход с пастбищ поступал натурой». Но, рассказывает он, «неудобство такого способа извлечения доходов побудило правительство прибегнуть около того же времени к откупной системе», вызвавшей «бесконечные жалобы на притеснения откупщиков, ставивших население в тяжелую зависимость от себя».²

В 1862 году был введен «сбор платы с головы скота: по 10 коп. с крупного и по 1 коп. с мелкого». Но пришлось отказаться и от этого порядка, так как при нем возникали злоупотребления со стороны населения во вред доходам казны.³

Правительство прибегло к опыту отдачи пастбищ в аренду с торгов; но этот опыт «вызвал крайне тягостные последствия для населения», так как пастбища «стали переходить из пользования крестьянских обществ в содержание частных лиц».⁴

«Наконец,—заканчивает свой критический обзор начальник управления,—сознание неудовлетворительности всех вышеуказанных систем вызвало мысль об установлении подесятинной платы, каковая форма извлечения дохода с пастбищ, примененная впервые в 1877 году, существует и донныне».⁵

В 1883 году по записке министра государственных имуществ Островского Комитет министров нашел необходимым принять меры «к устройству в Закавказском крае казенных летних и зимних пастбищ и к периодическому распределению их между населением» с соответствующей арендной платой, а

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2108, «О съезде управляющих государственными имуществами Кавказского края 2-го и 3-го апреля 1902 г. в г. Тифлисе», на 136 листах, лл. 130—136.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«впредь до такого устройства пастбищ сохранить в силе существующее ныне распределение их между населением».¹

В 1885 году, на основании этого положения было начато межевание пастбищ Эриванской и Елизаветпольской губерний, затем произведено «ботаническое и геологическое исследование пастбищ», составлен их план, «с нанесением на нем всех участков отдельного пользования».²

Но, указывает начальник эриванского управления земледелия и государственных имуществ, при этом не было сделано самое существенное, не было представлено «соображений о том, в какой мере существовавшее распределение участков соответствовало нуждам населения и потребностям скотоводства».³

Поэтому вся сделанная работа, «не принесла пользы ни фиску, ни населению и породив... еще большие злоупотребления, повела к полной неурядице на пастбищах и увеличила контингент безземельных кочевников».⁴

Эриванский чиновник собирается, на основе всего прошлого опыта, перебороть все недостатки пастбищной политики своего правительства и указать на такой способ использования пастбищ, при котором доходы казны, интересы населения и развитие скотоводства гармонически сочетались бы. Оказывается, что все это станет возможным, если произведено будет новое распределение пастбищных участков с целью их укрупнения, если участки будут спроектированы, «начиная сверху горы и до ее подошвы», если будут точно установлены дороги, «по которым кочевники должны будут следовать на предоставленные им участки»⁵ и т. д. и т. п., т. е. мероприятия чисто технического порядка, не касающиеся изменения социально-экономической основы пастбищного хозяйства кочевников Эриванской губернии, облегчающие только надзор за ними.

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2108, «О съезде управляющих государственными имуществами Кавказского края 2-го и 3-го апреля 1902 г. в г. Тифлисе», на 136 листах, лл. 130—136.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Наряду с приведенными мерами эриванским чиновником указывается еще одна мера, осуществление которой окончательно и наверняка установило бы над массой кочевников власть верхних слоев своих обществ и раз навсегда лишило бы их возможности пользоваться в равных условиях пастбищами вместе с богатыми членами своих обществ.

Вот эта мера. «Вновь спроектированные участки или отрубы,—пишет он в четвертом пункте своих предложений,—каждого пастбищного района распределить между соответственными сельскими обществами, предоставив самим ведать внутренним распорядком и распределением участков между своими общественниками, подобно тому, как это предоставлено сельским обществам в отношении наделных земель».¹

Известно, что в сельских обществах именно этим правом пользовались кулацкие верхи, сосредоточивали в своих руках лучшие наделные земли сверх общей нормы и всякими мерами препятствовали периодическим переделам. Читатель этого сборника найдет в нем немало конкретных примеров классовой борьбы сельской бедноты против кулаков и их прихвостней именно на почве нарушения прав передела наделной земли со стороны деревенских верхов.

Начальник управления земледелия и государственных имуществ в целях поднятия благосостояния сельского населения выдвигает именно эту меру. Не подлежит сомнению какой части населения принесло бы обеспечение осуществления предлагаемой им меры. Можно сказать, что весь его проект является своеобразным применением столыпинской аграрной политики в районах кочевого хозяйства Эриванской губернии.

При этом, конечно, им не позабыто и увеличение доходов землевладельца, в данном случае царского правительства, в качестве владельца этих обширных оброчных статей: зимних и летних пастбищ. Указывается, что с осуществлением предлагаемых им мероприятий связывается, во-первых, «установление новой подесятинной платы» и она «должна быть безусловно повышена», во-вторых, «исключение из пастбищных районов земель, пригодных для сельскохозяйственной культуры», из

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2108, лл. 130—136.

коих можно образовать «или переселенческие участки, или оброчные статьи».¹

О создаваемых оброчных статьях для красного словца он замечает, что они «помимо интересов фиска, могут сыграть немалую роль в деле дополнительного наделения крестьян землей». Так как крестьяне, как правило, не наделялись землей за счет казенных оброчных статей, то и в этом случае сокращение их пастбищных угодий служило бы в пользу только царской казны.

Да и весь проект эриванского чиновника никакой связи не имел с интересами трудовых масс кочевников Эриванской губернии, ничуть не касался социальных отношений среди кочевого населения, ничуть не способствовал переходу хозяйства полупатриархальных кочевых скотоводов к оседлой жизни, не облегчал тяжелое положение низов кочевого населения, а имел своей целью сделать более доходными для правительства пастбища и пастбищное хозяйство, создавая попутно все возможности для укрепления экономической власти верхов над низами в условиях развития денежного хозяйства и зачатков капиталистических отношений в деревне.

Не подлежит сомнению, что проекты эриванских губернских властей по поднятию как крестьянского хозяйства вообще, так и кочевого скотоводства в частности носили буржуазный характер, имели целью начертать капиталистический путь для их развития, но для этих проектов характерно и то, что при этом оставались в неприкосновенности все крепостнические остатки в хозяйственном и правовом положении крестьян как государственных, так и помещичьих. В таких условиях капиталистическое развитие в сельском хозяйстве в этом уголке царской империи пошло бы по тому прусскому пути, по которому после поражения первой русской революции старалось на править сельское хозяйство метрополии царское правительство во главе со Столыпиным.

* * *

О конкретных способах осуществления выкупа в Закав-

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2108, лл. 130—136.

казье, в том числе и Армении, т. е. о завершении крестьянской реформы и о создании соответствующих условий развития для помещичьего хозяйства между закавказскими царскими властями, с одной стороны, и местными землевладельческими слоями, с другой, существовали кое-какие разногласия. Когда закавказские власти без их участия подготовили и провели в жизнь крестьянскую реформу 1870 года, они без всякого возражения приняли ее, не выставляя никаких иных требований, вполне резонно увидя в ней полную защиту своих интересов против крестьянства в смысле уравнивания их прав с правами дворян-крепостников России и Грузии.

Через сорок с лишним лет после крестьянской реформы, учитывая все неудачные попытки и проекты осуществления выкупной операции, эриванские помещики выступают со своим собственным проектом перед наместником на Кавказе, а затем и критикой проекта, выработанного в Закавказье, перед советом министров, защищая свою точку зрения на организацию выкупной операции в условиях Эриванской губернии.

Они указывают на то, что за прошедший промежуток времени в Эриванской губернии выкуп не осуществился, так как советом главноначальствующего на Кавказе в 1880 году было предложено «принять в основание выкупной операции не действительную стоимость всех лежащих на поселянах обязательств, как это установлено законом, но их платежные средства» (подч. в подлиннике.—В. Р.), а такое предположение было неприемлемо для помещиков «как равносильное отрицанию права собственности»; далее не было разрешено положительно и предположение о выдаче «поселянским обществам правительственной ссуды на общем основании»; отчасти повинны в этом, признают представители помещиков Эриванской губернии, и сами землевладельцы, «которые, будучи не способны к самостоятельному труду и живя исключительно мулком со своих имений», относились отрицательно к выкупу.¹

Но времена изменились и, оказывается, помещики Эриванской губернии теперь сами вполне сознают «необходимость

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13 (оп. 7), д. № 2541, лл. 97—102.

возможно скорой ликвидации «бекско-мулькадарского» земле-
владения, как несоответствующего требованиям современной
жизни».¹

С этой целью они выступают со своим собственным проек-
том организации выкупа, которым будто бы устраняются все
затруднения, возникающие в связи со всеми попытками осу-
ществления выкупной операции, и сущность которого состоит
в следующем:

«Выделять владельцам в одном месте и по их выбору
полевой земли в размере: а) $\frac{4}{30}$ части всех поселянских
наделов каждого бекско-мулькадарского имения... б) столько
же на покрытие чистым (подч. в подлиннике.—В. Р.) с них
доходом ежегодных расходов на обработку первых $\frac{4}{30}$ ча-
стей..., а остальные затем $\frac{22}{30}$ части, с усадьбами, садами и
рощами и всякого рода торгово-промышленными заведениями,
укрепить бесплатно (подч. в подлиннике.—В. Р.) за поселяна-
ми в полную собственность».²

При этом землевладельцы даже готовы были идти на
уступки, если все их «доводы будут найдены недостаточно
убедительными»; а уступка эта состоит в том, что «можно
будет ограничиться в имениях низменной, малоземельной поло-
сы выделом владельцам Эриванской губернии только $\frac{4}{30}$
частей... поселянских наделов каждого имения, под условием
выдачи правительством поселянам дешевой ссуды наличными
деньгами для удовлетворения владельцев суммой, проценты
которой покрыли бы ежегодные расходы на возделывание
этой части земли».³

Таким образом, землевладельцы Эриванской губернии
собирались под предлогом организации выкупа второй раз
захватить часть крестьянской земли и вдобавок к этому полу-
чить еще наличными деньгами «ежегодные расходы на возде-
лывание этой части земли» и таким путем за счет вторично
ограбленных крестьянских масс превратить, как сами выража-
лись, неспособных к самостоятельному труду и живущих
исключительно мулџом со своих чменій мулькадаров Эриван-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13 (оп. 7), д. № 2541, лл. 97—102.

² Там же.

³ Там же.

ской губернии в приспособленных к требованиям «современной жизни» помещиков столыпинского типа.

Они сами не скрывают все это и не только для себя, но и для землевладельцев Бакинской и Елизаветпольской губерний, на которых также предполагается распространить выкуп по их проекту, в привлекательных чертах описывают последствия «ликвидации» полукрепостнических отношений в деревне и развитие там помещичьих «образцовых экономий».

«Землевладельцы получают удовлетворение за все, чем они пользуются от поселян по бекско-мулькадарскому праву; выдача же следуемого им вознаграждения частью землею и частью капиталом не только обеспечит их вполне, но даже даст им возможность завести во многих имениях образцовые экономии, крайне необходимые для развития сельского хозяйства в крае».¹

Вместе с этим они отмечают, что всё это дешево обойдется и государству, чему охотно можно верить, но они, видите ли, кроме того уверяют также, что этим одновременно «устранится всякое опасение в безземельи поселян».²

Все эти благие намерения не были приняты во внимание закавказской высшей властью и ею был представлен в совет министров свой проект ликвидации временно-обязанных и зависимых отношений крестьян к своим помещикам, более соответствующий целям и намерениям царского правительства как в социальном, так и в экономическом отношениях.

Землевладельцы Эриванской губернии, поставленные царизмом, по сравнению с русскими и грузинскими дворянами-помещиками, в общем в менее привилегированное положение, но удовлетворенные рескриптом 6/XII—1846 г. и крестьянской реформой 1870 г., теперь впервые конкретно увидя ущемление своих сословно-правовых и экономических интересов, решились защитить их против покушений закавказской высшей власти перед центральным правительственным органом, энергично критикуя как общие основы, так и конкретные положения ее законопроекта.

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13 (оп. 7), д. № 2541, лл. 97—102.

² Там же.

Указывая на рескрипт 6-го декабря 1846 года, утвердивший за землевладельцами Армении и Азербайджана «потомственно право полной собственности на землю», представители помещиков Эриванской губернии резко выступают против того положения «авторов законопроекта», в котором они «возвещают миру» будто бы до русского владычества «лица высшего сословия не только не были землевладельцами в смысле собственников, но не могли эксплуатировать землю своим распоряжением, даже в тех случаях, когда она была свободна».¹

Целью «столь запоздалых и совершенно не идущих к делу справок и суждений» могло быть только умаление прав владельцев выкупаемых земель,—пишут они.

Представители эриванских помещиков решительно возражают и против другого положения «авторов законопроекта», в котором говорится о том, что для правильной ликвидации зависимых отношений «следует остановиться и на вопросе, как там (т. е. в Армении и в Азербайджане).—В. Р.) исторически сложилась земельная собственность и каков должен быть объем этих земельных прав владельцев в отношении населенных земель».²

Они указывают, что земельные права «высшего сословия», при том «в полной мере», уже давно определены «рескриптом 6-го декабря 1846 г. и Поселянским Положением 14 (26) мая 1870 года».

«О каком же еще новом определении и объеме земельных прав владельцев» может возникать речь теперь, когда суждению высшей в крае власти подлежал вопрос не о пересмотре владельческих прав, уже освещенных законом, а лишь об установлении выкупных норм, строго согласованных с требованиями существующих на сей предмет законов».³

Представители мулькадаров Эриванской губернии находят, что теперь речь может идти только о том, как организовать выкуп, чтобы были ограждены «интересы поселян и владельцев, как покупателей и продавцов».⁴

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13 (оп. 7), д. № 2543, лл. 92—100.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Так, яростно защищая перед советом министров на основе крепостнического рескрипта Николая I от 6-го декабря 1846 г. и полукрепостнического Положения 1870 г. свои помещичьи права на выкуп от покушений закавказской высшей власти, представители эриванских помещиков выдвигают ряд возражений и против конкретных условий выкупа, предполагаемых по законопроекту наместника на Кавказе.

Нарушены «основные принципы справедливости» установлением выкупной суммы повинностей по ценам 60-х годов XIX века,—жалуются они,—так как это означает сокращение действительной доходности мулькадаров «более чем на половину» и «грозит им совершенным разорением».¹

Справедливость восстановится, если выкупная сумма будет определяться «по современной доходности владельцев», или же владельцам предоставится «право получения выкупных сумм ценностью денег тех же 60-х годов».²

«В еще большей мере проявлена к землевладельцам несправедливость и в деле исчисления выкупных сумм за наделенные поливные пашни 1-го разряда, производящие рис (чалтык), хлопок и другие высокоценные произведения»³—продолжают свою жалобу представители «высшего» сословия Эриванской губернии.

Свой доводы и рассуждения по этому поводу они заканчивают словами представителей дворянства Тифлисской губернии: «Ведь речь идет о выкупе, а не о конфискации».

Не нравится им в законопроекте наместника и способ удовлетворения мулькадаров выкупной суммой. Предполагаемое законопроектом удовлетворение землевладельцев 5% бумагами приемлемо для них только в том случае, «если бы таковые бумаги выдавались им по биржевой цене», а не по номинальной и на всю ссудную сумму до прекращения отбывания крестьянами своих повинностей.

Хотя все эти претензии землевладельцев Эриванской губернии не были удовлетворены центральной властью, но, в конце концов, все это относилось не к принципам выкупа, а к

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13 (оп. 7), д. № 2543, лл. 92—100.

² Там же.

³ Там же.

масштабу применения его принципов; по вполне понятным причинам привыкшие к жизни паразита владельцы проявляли волчий аппетиты, и даже царское правительство принуждено было несколько ограничить их хищные претензии по политическим соображениям. Не были позабыты и бурные годы первой русской революции, под страхом которых даже царский наместник Воронцов-Дашков представил в совет министров свой проект о ликвидации временно-обязанных и зависимых отношений в Закавказье без выкупа и за счет государства. В совете министров не только согласились с ним, но даже пошли дальше: нашли возможным не вознаграждать или очень умеренно вознаграждать владельцев за счет государства.

Правда, с поражением революции проект наместника царским правительством был оставлен, а наместник на Кавказе в 1909—1910 гг. представил новый законопроект, в котором с несправедливости выкупа, о невознаграждении владельцев, конечно, не было и слова; речь шла только об умерении их наглых претензий в условиях применения столыпинской аграрной политики, с целью не создавать лишних поводов для раздражения и массового возмущения крестьянских масс.

По существу интересы закавказских помещиков, в том числе и землевладельцев Эриванской губернии были вполне обеспечены законом 20-го декабря 1912 года, выработанного на основе представленного 13 июня 1910 г. законопроекта наместника на Кавказе.

Все категории помещиков Армении: мулькадары, тиулисты, Эчмиадзинский монастырь и т. д. были вознаграждены за счет крестьян, которых заставили спустя сорок с лишним лет после крестьянской реформы платить выкуп за свои наделы. Правительство, идя навстречу помещикам, предполагало в короткий срок выдать им всю выкупную сумму, а у крестьян получать не только выданную за них выкупную сумму, но и проценты на капитал. Таким образом в 1912 г. в Закавказье выкуп был организован точно так, как в 1861 и 1881 гг. в России и был так же разорителен для закавказских крестьян, как для крестьян России.

Но зато, как правильно замечает проф. А. М. Есаян,

«Выкупная операция оказалась выгодной не только для помещиков, но и для казны».¹

Здесь помещики и их правительство предполагали основательно ограбить крестьян, но, к счастью, трудящимся массам пришлось не долго ждать Великой Октябрьской социалистической революции, смывшей власть помещиков и буржуазии, положившей основы новой жизни, исключавшей всякую возможность эксплуатации человека человеком.

* * *

Нами уже было указано, что за короткий отрезок времени, за первые пятнадцать лет XX века, крестьянское движение в Армении испытало на себе влияние этой бурной эпохи общероссийской жизни, но не получило такого размаха, не дошло до степени массового революционного выступления против помещиков и царизма, как это имело место, скажем, в соседней Грузии, в особенности в Гурии в 1905 году.

Общий ход и отдельные моменты крестьянского движения в Армении за указанный период по материалам данного сборника можно представить в следующем виде. В годы назревания революционного кризиса (1900—1904) крестьянское движение в Армении, как правило, не выходило за рамки отдельных, иногда очень острых, но разрозненных выступлений против помещиков и принимало различные формы.

В эти годы экономического кризиса, между прочим, создавалось невыносимо тяжелое положение для той категории безземельных крестьян, которые еще во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. были переселены в разные деревни Эриванского и Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии и не были наделены землей. Группа таких, забитых нуждой крестьян, ссылаясь на то, что они «все приняли подданство России и приняли православную веру»,² от управляющего гос. имуществом Эриванской губернии добивается наделения их землей из фонда государственных оброчных статей.

¹ Проф. А. М. Есаян, Мультикарское право в Армении, Ереван, 1948, стр. 145.

² ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 233, «Об отводе 30 дымам жителей с. Малый Шагриар участка «Чибухчи» под поселение», на 8 листах, лл. 7—8.

Борьба за землю—главное и в выступлениях государственных и помещичьих крестьян. Такая борьба происходит также между крестьянами соседних деревень; в роли подстрекателей своих крестьян к захватам чужих земель выступают мулькадары.¹ Но, конечно, борьба за землю ведется, как правило, крестьянами против помещиков и отчасти также против деревенской буржуазии. Она выражается в разных формах.

Так, например, крестьяне выступают перед местной властью со своими жалобами на мулькадаров о захвате ими наделных земель,² о незаконном сборе мулька,³ они возбуждают спор против мулькадаров за неправильное использование земли и воды⁴ и т. д. Иногда с жалобами на крестьян выступают сами помещики, ища защиты у властей против захвата крестьянами их земли.⁵

Немалое место занимает борьба крестьянской массы против кулаков из-за аренды земли,⁶ и в особенности, из-за передела наделной земли,⁷ чему в мулькадарских и казенно-мулькадарских деревнях препятствуют и местные власти.

В предреволюционные годы значительно острые формы приняла борьба крестьян деревни Ахпат, Лорийского участка, Борчалинского уезда, Тифлисской губернии против помещика князя Баратова с захватом принадлежащих ему пастбищ; военно-полицейским насилием крестьянское выступление было подавлено и судебным решением право «священной собственности» помещика было восстановлено. Крестьяне селения Ахпат были подвергнуты экзекуции и принуждены были на несколько дней «казачью сотню в составе 75 человек довольствоваться» на свой счет. Борчалинский уездный начальник находил применение такой меры необходимым—«В видах острастки и в пример другим соседним селениям с армянским населением».⁸

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 133, д. № 2323 и № 2354.

² Там же, д. № 2323 и № 2503.

³ Там же, д. № 2323.

⁴ Там же, д. № 2385 и № 2471.

⁵ Там же, д. № 2323.

⁶ Там же, д. № 2371.

⁷ Там же, ф. 7/70, д. № 728.

⁸ Центр. Гос. Историч. Архив Груз. ССР, ф. 34, д. № 4883, лл.

В Армении и вообще во всех районах Закавказья с армянским населением в 1903 году были вовлечены в массовое выступление против царской политики национального угнетения вместе с городскими слоями армянского народа и крестьянские массы. Однако это массовое движение, благодаря буржуазно-националистическому чуждому влиянию, осталось изолированным, замкнутым в национальные рамки и не вошло в общее русло интернационального политического движения масс Закавказья и России 1905—1907 гг.

Все же настроения крестьянской массы Армении были таковы, что заставляли насторожиться местную и закавказскую власти. Это относится в особенности к крестьянам северных районов Армении, тогда входивших в Борчалинский уезд Тифлисской губернии. Как видно из материалов настоящего сборника, уже с весны 1905 года угроза крестьянских выступлений становилась реальностью, местные власти были озабочены предупреждением захвата крестьянами удельного имения,¹ запрещением порубки и вывоза казенного леса,² подавлением вооруженного сопротивления крестьян, захвативших помещичьи земли³ и т. д.

Было над чем задумываться и относительно Эриванской губернии. «Ход революционного и аграрного движения в Эриванской губернии» живо интересует, например, заведывающего полицией на Кавказе и он добивается получения регулярных сведений об этом от эриванского генерал-губернатора.⁴

А возможность выступления крестьян Эриванской губернии в 1906 г. (примеры действительных выступлений представлены в сборнике) заставляет и эриванского губернатора насторожиться и принять предупредительные меры к защите помещичьих (мулькадарских) прав; секретно предписывается мировым посредникам обратить внимание «на исправный взнос поселянами мулькадарских селений повинностей в пользу вла-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 34, д. № 1046.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 1-с, д. № 45.

дельцев.... принимать принудительные меры, обращаясь, в случае надобности, к содействию чинов полиции».¹

Эриванский губернатор принужден был обратиться с такими же секретными предписаниями к мировым посредникам летом 1911 года и весной 1913 года, в первом случае обращая их внимание на урегулирование всех столкновений между помещиками и их крестьянами на почве отбывания повинностей, а во втором—на все споры, возникшие по вопросам землепользования.

Для этого у эриванского губернатора были достаточные основания: в годы нового общего подъема революционного движения во всей России заметно известное оживление и в крестьянском движении Армении, чему способствовала и подготовка царизмом закона о прекращении временно-обязанных отношений крестьян и об обязательном выкупе наделов в Закавказье. Это оживление ясно видно по нашему сборнику: учащается и обостряется борьба крестьянских масс с помещиками во всей Армении.

Даже в годы реакции немало данных о борьбе крестьянских масс.

Среди этих данных обращает на себя внимание следующее: во многих случаях в роли жалобщиков на крестьян за неотбывание разных повинностей, непризнание их помещичьих прав выступают помещики или арендаторы их имений.

Нами уже указано, что после крестьянской реформы в Армении местные власти, основываясь на Положении 1870 г., запрещали периодические переделы земли в мулькадарских селениях, считая наделы, полученные крестьянами, не подлежащими никаким изменениям. Крестьянская масса никак не мирилась с этим ни в последней трети XIX века, ни в первые два десятилетия XX века и упорно возбуждала ходатайство перед губернской и закавказской властями о разрешении передела земли. Борьба крестьянской массы за передел земли направлялась не только против органов царской власти, но и против деревенской кулацкой верхушки, захватившей в свои руки лучшую и значительную часть надельной земли и чинившей

¹ ЦГА Арм. ССР, ф. 7/70, д. № 13, л. 61.

всякие препятствия против решения общества насчет ходатайства о разрешении передела.

Документы нашего сборника достаточно красноречиво показывают, как в начале XX в., в 1901—1915 годы, заметно усиливается классовая борьба внутри деревни между деревенской буржуазией и крестьянской массой вокруг земли и землепользования. Это, конечно, связано с развитием капиталистических отношений в деревне и с усилением капиталистической эксплуатации деревенской массы.

Однако нужно подчеркнуть, что все же как основное в крестьянской борьбе и в указанный период остается борьба с помещиком и с его покровителем—с местными представителями царской власти, с многочисленными остатками полукрепостнического порядка в деревне, принимавшими в условиях царской политики национального и колониального угнетения жестокий и разорительный характер для крестьянства.

Проф. В. Рштуни.